

Сергей Жигалкин

**ОБ ИНЫХ ГОРИЗОНТАХ
ЗДЕШНЕГО**

**АПОЛОГИЯ
ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ**

Сергей Жигалкин

**Об иных горизонтах здешнего.
Апология вечного возвращения**

«Языки Славянской Культуры»

2019

УДК янв.14
ББК 87.2

Жигалкин С. А.

Об иных горизонтах здешнего. Апология вечного возвращения /
С. А. Жигалкин — «Языки Славянской Культуры», 2019

ISBN 978-5-907117-09-9

Вечное возвращение всех вещей, здешнее как отражение запредельного... Эта доктрина, известная тысячи лет, смыкается с учениями Пифагора и Гераклита, атомистов и стоиков, даже неоплатоников, хотя формально последние и не принимали её. Связанная с ней полемика была интенсивной В ранней и поздней Античности, немного угасла В Средневековье и Новое время, но ныне, благодаря философу Фридриху Ницше, стала вновь актуальной. В книге рассматриваются основные положения этой доктрины, как выясняется, глубочайшие, при этом акцентируется её принципиальное отличие от концепции циклических повторений. В ракурсе данной доктрины обсуждаются «вечные вопросы», преследующие человечество с изначальных времён. Среди них происхождение мира, судьба мимолётного, перспективы по ту сторону смерти, смысл и бессмысленность жизни, вообще бытия, время обычное и время В вечности, звёздное небо и бесконечность, тайна ничто.

УДК янв.14
ББК 87.2

ISBN 978-5-907117-09-9

© Жигалкин С. А., 2019
© Языки Славянской Культуры, 2019

Содержание

Ностальгия по прошлому	5
Прошлое и будущее не существуют	10
Прошлое и будущее существуют	12
Прошлое и будущее и существуют, и не существуют	13
Об отличии «было» от «есть» и о вечности преходящего	14
Стоики: первоначала и элементы, возникновение космоса, воспламенение	15
Стоики: возрождение того же миропорядка	18
Тождество и равенство: $A = A$ и $A = B$	20
Пифагорейцы о возвращении тождественных миров	21
Упущение немезия	22
Про размышления о запредельном	24
О происхождении времени и, соответственно, мира	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Жигалкин С.

Об иных горизонтах здешнего

Апология вечного возвращения

Ностальгия по прошлому

Иногда случайное воспоминание, грёза о канувшем в Лету былом могут вдруг вызвать непонятное, но притом сильное чувство: неземную тоску, необъяснимый порыв неизвестно куда. Будто приблизилось, но не раскрылось что-то поистине грандиозное, к чему мы стремились всю жизнь, не сознавая того. Ностальгия по прошлому. Вместе с ней пробуждается сонм всевозможных эмоций, различных у разных людей: восхищение, страх, удивление, грусть... Однако сама ностальгия всегда неизменна: она остаётся собой независимо от набора эмоций и при любом отношении к ней, будь то презрение или мечтательный романтизм. Например, у поэта Николая Агнивцева в стихотворении «Вы помните былые дни...», написанном в 1923 году, ностальгия сопровождается печалью по безвозвратно утерянному, ламентациями и сантиментами:

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!
Как были праздничны они
Над петербургскою Невою!!

.....

Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьёт его последний час
На Петропавловских курантах!..

.....

И, белым облаком скользя,
Встаёт всё то в душе тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя
И позабыть что невозможно!..

А у Евгения Головина в стихотворении «и дырявая автомобильная шина...» ностальгия по прошлому предстаёт в атмосфере изрядной иронии в отношении данного мироздания и всякого рода его населения:

и дырявая автомобильная шина

и скомканный обрывок газеты
и ржавая консервная банка
и продавленный пинг-понговый шарик
и разорванная бабочка и всё

что было когда-то и хранило воспоминания
о небе в пене одуванчиков
о роскошной жизни удара
о почтовом ящике
о распластанном рёве мотора и всё

что было когда-то и надеялось
на идеальную метаморфозу
в павлина в цистерну в дирижабль и всё

что сверкало и шуршало и билось и летело
и теперь
ожидая сожжения
в концлагере мусорной свалки

вспоминает потерянный парадиз своей формы

Но в чём же секрет самой по себе ностальгии по прошлому – что именно вызывает волнение, беспокойство?

На первый взгляд – сожаления об ушедших моментах красивых, счастливых, возвышенных, например о былых юности, силе, расцвете, надеждах, мечтах, как в стихотворении про автомобильную шину.

Но это, однако, слишком поверхностно, даже неверно: ностальгия, которую мы имеем в виду, – чувство иное, хотя сожаление об утерянном парадизе былого и связано с ней, поскольку способно её пробудить. Ведь ностальгия по прошлому может возникнуть и без реминисценций об эпизодах счастливых, блистательных: воспоминания о страданиях, боли, кошмаре тоже, случается, вызывают её. Потому, вероятно, что, страдания очищают, открывают иной горизонт, то есть тоже сопровождаются мгновениями высочайшими.

Можно было бы предположить, что ностальгия по прошлому связана с воспоминаниями о любых мгновениях необычных, неважно, исполненных счастья или несчастья. Главное, что в такие мгновения, в поворотные точки судьбы, всё привычное разрушается и мы вдруг оказываемся в ином космосе, в ином измерении, огромном, неведомом, непостижимом, что, как выясняется по прошествии времени, и было важнее всего.

Но даже мгновения неординарные тоже, по сути, лишь провокаторы подлинной ностальгии. Ведь её могут вызвать и воспоминания о самом что ни на есть повседневном: тропинка в саду, знакомая до невозможности, учитель у классной доски, шмель на цветке, чтение книги на чердаке – всплывающих образов не перечесать.

При этом случается, что мыслей и чувств пришедших на ум былых эпизодов не вспомнить совсем. Выходит, что главное не постижения и переживания тех давних лет. Тогда что?

Быть может, куда-то ушедшая прошлая жизнь, вся целиком... Её ни за что не хотят потерять, какой бы она ни была. Жестокий протест, бунт души, против гипотезы её окончательного исчезновения выражают, допустим, следующим образом:

И так ужасно знать, что впредь

Не повторится день вчерашний
Для тех, кто должен умереть!

(Игорь Северянин. Стихотворение «Тоска небытия»)

Но что означает «вся жизнь целиком»? Вспомнившийся эпизод, попавшаяся на глаза вещь тех лет – это символ былой нашей жизни, который указывает на неё, подразумевает её, сразу всю. Однако «вся наша жизнь» не предстаёт перед нами словно законченное живописное полотно, а постигается лишь как *ощущение*, без образов, звуков и слов. Будто забытый секунду назад яркий сон, оставшийся только как чувство... недосмотренный сон, в который мы очень хотели бы возвратиться, но не понимаем, ни как, ни куда...

Хотя, отправляясь от промелькнувшего воспоминания, можно многое соединить, воссоздать, разрозненные эпизоды, пусть многочисленные, ещё не приводят к раскрытию жизни как целого. Целое – нечто другое, чем просто сумма частей, оно – нечто большее, чем мы в состоянии вообразить. Тем не менее мы как-то чувствуем, знаем его...

Ностальгия, о которой мы говорим, много шире и глубже, чем ностальгия по юности, счастливым дням, пройденным испытаниям, постижениям и прозрениям и даже чем ностальгия по прожитой жизни, взятой в единстве и в целом. Ведь её вполне могут пробудить также грёзы, где личная жизнь вообще ни при чём: например, о веках и народах ушедших, о событиях легендарных, об исчезнувших континентах, цивилизациях, городах, о странных созвездиях первозданного неба, о невообразимых закатах, рассветах, пейзажах далёких эпох, о явившихся тогда демонах, людях, богах...

Ностальгию по ныне забытому счастью, известному разве что звёздам, которые светят из бездн изначальных времён, выражают, положим, так:

Там, за далью бесконечной,
Дышит счастье прошлых дней.
Отголосок ли сердечный?
Сочетанье ли теней?

Это – звёзды светят вечно
Над землёю без теней.
В их сиянии бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

(Александр Блок. Стихотворение «Там, за далью бесконечной...»)

Однако сугубо личное, как это ни парадоксально, в общем-то отсутствует даже и в личных воспоминаниях. Ведь вспоминая эпизоды своей прошлой жизни, не воспринимают себя прошлого, как теперешнего себя: это какой-то другой человек, пусть очень нам близкий, понятный, но всё же *другой*, некогда живший в совершенно другом мире, пусть бесконечно знакомом. Этот *другой* больше похож на *других*, на всех прочих людей, чем на нас: он – это образ и форма, герой жизненной драмы, персонаж, то есть *объект* внешнего мира, а не *мы сами*, присутствующие в настоящем мгновении, не наше «я», не душа, не *субъект*. Вникая в данное впечатление, нетрудно понять нетождество нас самих с собственной личностью и отделить своё прошлое от себя.

То есть ностальгия по прошлому – это не только ностальгия по личному прошлому, но и по прошлому мироздания, не только по личной жизни, но и по жизни вообще, по бытию.

Однако приравнивать ностальгию по прошлому к ностальгии по жизни кажется странным, даже нелепым. Считается, что прошлое не существует, пропало, его больше нет, поэтому его вполне можно желать. Но жизнь никуда не девается и не пропадает, она просто всюду

вокруг, как в данный момент, так и всегда. Мы сами и есть эта жизнь. А разве возможна тоска по тому, чем и так обладают в избытке?

Пусть это звучит и абсурдно, но ностальгия по прошлому не всегда обращена только к прошлому, бывает, и к настоящему. В моменты сияния форм, безумного счастья, полноты бытия, на вершине вершин со всей очевидностью или же скрытно присутствует также тоска, неземная тоска. Более того, она может нас охватить и в мгновения непримечательные, если эти мгновения предстают перед нами иначе – будто явившись из сферы стерильных грёз, в той атмосфере, в которой былые мгновения являются в воспоминаниях. Словно в образах, действиях этих мгновений зашифрована вся наша жизнь, не только здешняя, но и совершенно иная – забытая, очень далёкая, неизвестная, быть может, небесная... Причина нездешней тоски не только в том, что, даже сказав мгновению «ты прекрасно», его всё равно не остановить, что оно мимолётно и вскорости пропадёт, но и в том, что мгновение это есть зримая тайна, что открывшегося в нём неуловимого не уловить.

«Над родником умираю от жажды». Омар Хайям, Джалаладдин Руми, Франсуа Вийон и другие понимали эту изысканную фразу каждый по-своему, но всё же она несомненно относится и к ностальгии по настоящему – по этому самому мигу, явленному из беспредельности и вдруг представшему перед нами во всей своей непостижимости и всём совершенстве.

Когда погружаются в воспоминания, та жизнь представляется не такой, какой она нам казалась в те времена: она представляется фантастической, райской, роскошной. Страдания, страсти, заботы, привязанности давних времён забываются и исчезают, жизнь очищается и раскрывается в измерении подлинном, трансцендентном. Мало сказать, «роскошной» – жизнь предстаёт как сама сверхъестественная красота, в целом и в частности. Неудивительно, что она столь желанна для нашей души. В ностальгии по настоящему, когда отстраняются от себя и погружённость в жизнь не мешает увидеть эту самую жизнь, случается то же самое: мгновение, жизнь раскрываются в измерении трансцендентном. Ну а если заботы, насущное всё-таки превалируют, трансцендентное измерение настоящего раскрывается позже – когда оно удаляется в прошлое.

Измерение это и есть тайный предмет ностальгии, к нему она, собственно, и обращена.

Пришло время сказать, почему мы вообще говорим о ностальгии по прошлому. Всё дело в том, что она – то самое чувство, на которое мы намерены опираться в последующих размышлениях и которое, как мы надеемся, поможет не отклоняться от курса под действием вихрей иных, а также ассоциаций хаотических и неопределённых. Углубиться же мы собираемся в тайну течения времени и связанную с ней странную судьбу всего вызванного к бытию.

Ностальгия по прошлому заключает в себе и желание *возвращения в прошлое* или *возвращения прошлого*, правда, возможно, раскрытого в его грандиозной, в его подлинной перспективе. Проиллюстрируем это желание, для нас очень важное, строфой Готфрида Бенна:

Кто может возвращаться в грёзах,
того не сдержит смертная структура,
пред тем восстанет древний Круг —
аллея сфинксов, эра саг ¹.

(*Стихотворение «Wer Wiederkehr in Träumen weiß»*)

Желание возвращения прошлого иной раз приводит к весьма странным мыслям, как будто нелепым, однако на самом-то деле имеющим основания, причём серьёзные. Например,

¹ Wer Wiederkehr in Träumen weiß, den dämmt kein sterbliches Gefüge, dem aufersteht der alte Kreis, die Sphinxalle, die Sagezüge. Некоторые цитаты в этой книге приводятся по известным, ранее изданным переводам (см. список литературы), но большинство заново переведены либо отредактированы автором. – С. Ж.

к следующей мысли о превращении прошлого в будущее, к предчувствию их метафизического совпадения.

«В лихорадочном внутреннем пейзаже медлительно плыли обрывки воспоминаний, словно клочки разорванного облака, их медлительность доводила до головокружения, и постепенно созревало воспалённое сомнение: воспоминание ли это, готовое рассеяться, или фантом, готовый к неведомому воплощению?».

(Томас Оуэн. Рассказ «Дама из Санкт-Петербурга»)

Мысли, прозрения, чувства людей необычных о прошлом можно приводить бесконечно, и эта игра увлекает, но прежде чем всё же закончить её, приведём очень важную запись Фридриха Ницше о ностальгии по прошлому, в которой – и это главное – философ даёт ориентир для всех ищущих её разрешения ².

«Тот царь постоянно думал о бренности всех вещей, чтобы не относиться к ним слишком серьёзно и сохранять спокойствие среди них. Мне же, наоборот, всё кажется настолько ценным и важным, что никак не может быть мимолётным: я ищу для всего вечности: разве можно выливать в море драгоценные вина и умещения? Вот в чём моё утешение: всё, что было, – вечно: море снова вынесет всё обратно».

(«Воля к власти», 1065)

Этого ориентира, постижения «вечности мимолётного», в дальнейшем будем как-то придерживаться также и мы.

Со сказанным можно согласиться или не согласиться, но нельзя не согласиться с тем, что есть ностальгия по прошлому, тоска по коснувшейся нас, но так и не понятой роскоши бытия.

² Понятно, что можно вообще не считаться с ностальгией по прошлому, подавлять это чувство и жить исключительно настоящим, плюс, вероятно, и будущим. Так поступают нередко, ведь что ушло, то ушло, его не вернуть, и незачем думать о нём, тем более горевать. Позиция непростая и даже вызывает симпатию, однако сказать, что придерживающиеся её никогда не испытывали и не испытывают ностальгию, никак нельзя, поскольку не было бы ностальгии, не нужно было бы прилагать усилий, чтобы избавиться от неё. То есть причина стремления всё забыть и жить настоящим – прежде всего ностальгия. Можно сказать, что такое стремление – своеобразный метод её разрешения. Путём отрицания. Но из-за отказа признать ностальгию по прошлому причиной стремления отринуть это самое прошлое эта позиция представляется всё же сомнительной. И вот ещё что: без воспоминаний, сознательных и особенно бессознательных, мы не имели бы никакого представления о движении как таковом (см. пояснения в следующей главе) и, соответственно, о течении времени, о жизни вообще, понимаемой как перемены, процесс. То есть именно память, воспоминания открывают нам сей преходящий мир, эту жизнь. Ещё и поэтому углубление в сущность воспоминаний, в ностальгию по прошлому представляется важным.

Прошлое и будущее не существуют

Обычно считают, что прошлое не существует – превратилось в фантом, обречённый, померкнув в забвении, исчезнуть, рассеяться навсегда. Не существует и будущее – есть только грёзы о нём. Но если придерживаться данного мнения, не избежать множества трудных вопросов.

Во-первых, каким образом прошлое и будущее могут так завораживать нас, если они не существуют? Разве может несуществующее, небытие оказывать столь сильное воздействие на существующее, влиять на весь мир, изменять ход вещей?

Во-вторых, из-за быстротечности настоящего вообще непонятно, что называть существующим: любой окружающий нас мир ни на миг не задерживается в бытии и молниеносно превращается в несуществующий, в небытие. Хотя на секунду остановить взгляд на чём-либо существующем, зафиксировать его в своём восприятии оказывается невозможно. Всякий ландшафт пропадает мгновенно, сменяясь другим. В сознании остаётся лишь отпечаток увиденного, о котором мы, собственно, и размышляем. Это всегда не настоящее, а уже прошлое – несуществующее, небытие, с которым мы странным образом имеем дело в нашем уме. И так всегда – мы размышляем о прошлом, о будущем, уходим в безотносительные данному мигу фантазии, мысли, но никогда не обдумываем действительно существующее – настоящее. Оно неизменно ускользает от нашего ума.

К примеру, совсем непонятно, как мы вообще видим предметы, особенно движущиеся, допустим, идущего человека. В идеальном мгновении, то есть в подлинном настоящем, никакого движения нет, поскольку в нём нет никакой временной пролонгации. Выходит, мы видим предметы не глазами, а умом, в бессознательных сферах коего из серии временных отпечатков предмета складывается представление о нём как о целом, которое мы и принимаем за движущийся перед нами предмет. Но какое отношение имеет это сложнейшее *представление* о предмете к предмету, существующему в настоящем? Почти никакого, так как является лишь осмыслением и упорядочиванием несуществующего прошлого. Насколько такое осмысление адекватно и чему оно, собственно, адекватно – большой вопрос. К тому же всякое осмысление требует времени, поэтому не исключено, что того, что мы будто бы видим перед собой, на самом-то деле больше уж нет: плывущий по воздуху мыльный пузырь, где отражается всё окружающее, вдруг лопнул, исчез, но мы всё ещё видим его в течение наносекунд, пока зрительное впечатление взрыва, распространяющееся не мгновенно, ещё не достигло нашего сознания и ещё не сложилось в нашем уме в представление о случившемся событии.

В-третьих, считается, что настоящее не возникает из ничего, но формируется прошлым. То есть что прошлое является причиной настоящего. Но если прошлого не существует, то не существует и никакой причины настоящего, то есть оно создаётся заново в каждый момент, причём из ничего, с полного нуля. Однако неясно, как в таком случае объяснить очевидную взаимосвязь настоящего с запечатлённым в нашей памяти прошлым – схожесть ландшафтов, предметов, живых существ, континуальность процессов, событий.

Как это так, чашка кофе, которую держишь в руке, явилась сюда непосредственно из небытия – оттуда, чего просто *нет*?

В-четвёртых. Память есть зеркало, в котором индивидуум видит себя, видит былое. Это зеркало – путь к самопознанию и познанию мира, опасный и трудный, но следовать коим необходимо. Если же в этом зеркале отражается вовсе не сущее, а исключительно небытие, всякое представление о себе и о мире будет заведомо ложным – будет лишь тенью, лишь шлейфом небытия. То есть все наши знания о себе и об окружающем мире окажутся не основанными ни на чём, не приложимыми ни к чему, не имеющими никакого отношения к подлинно сущему. Таковым же тогда окажется и убеждение в несуществовании прошлого...

В-пятых, если настоящее, превращаясь в прошлое, рано или поздно окончательно выветривается из памяти всех людей и исчезает совсем, то решительно непонятно, зачем оно было нужно и в чём его смысл – зачем тогда нужен весь этот изменчивый мир?

Прошлое и будущее существуют

Так же проблематично и противоположное утверждение: прошлое и будущее существуют, причём не в памяти и воображении, а сами по себе. То есть мы движемся по линии времени словно путник, бредущий тропинкой в лесу, и в каждую следующую секунду перед нами открывается новый ландшафт, который существовал и до того, как мы в нём оказались, и преспокойно продолжит существовать, когда мы уйдём. Но *как* и *где* существуют прошлое и будущее, простыми словами, без сложных теорий не объяснить.

Одна из современных теорий, в конце XIX века впервые выдвинутая философом М. С. Аксёновым, рассматривает Вселенную как простирающуюся не только в пространстве, но и во времени: в четырёхмерном пространстве с временной координатой в «застывшем виде» существует как бы вообще всё – и прошлое, и будущее, и настоящее. При этом мы сами (словами Аксёнова, «воспринимающее в нас начало») всегда находимся в какой-то точке этого пространства, независимо от собственной воли постоянно двигаясь в направлении временной координаты (возможно, также и в направлении других координат), благодаря чему вечно-сущий застывший мир постепенно раскрывается нам как мир перемен. «Воспринимающее в нас начало» – то есть «мы сами», наша душа, трансцендентальное «я» – нематериально и не относится к миру объектов, изменчивых форм (поскольку его нельзя воспринять, им можно лишь *быть*), однако какое-то иное (по Аксёнову, «трансцендентальное») движение, а значит, и время, для этого «воспринимающего в нас начала» в пространственно-временном континууме всё равно остаётся и, соответственно, остаются и прошлое, будущее, настоящее, хотя и иные. То есть проблема существования прошлого и будущего, пусть и раскрытая в намного более глубоком аспекте, окончательно всё же не решена.

Другая теория, вернее, учение, ныне известное благодаря Фридриху Ницше, – вечное возвращение всех вещей. Однако это учение не формулируется и не постигается рационально, но раскрывается лишь благодаря интуиции запредельного. Поэтому, и ещё потому, что это учение – тема последующих размышлений, не будем пока о нём говорить, отметим лишь, что речь в нём идёт о *вечности преходящего* или просто о вечности, каким бы парадоксальным и странным это ни показалось на первый взгляд.

Иные учения, допускающие существование прошлого и будущего, особенно древние, колоссальные по сложности и тонкости мысли, также темны и непонятны рассудку, поскольку переходят границы нашего мира и сосредотачиваются на недоступном воображению вневременном. Например, в Уме неоплатоников – Едином, данным как многое, – мыслящим и одновременно мыслимым, где ещё нет инаковости, всё существует разом: не мыслится то одно, то другое, но сразу всё, ныне и присно. Нет ни прошлого, ни будущего, но лишь настоящее, содержащее в себе всё множество всевозможных миров, в том числе и миров со своими течениями времени. Иными словами, прошлое и будущее в изначальном Уме, в абсолютном покое пребывающем во вневременном измерении, предстают как настоящее и существуют всегда.

Прошлое и будущее и существуют, и не существуют

Но если не углубляться в философию, то наиболее понятная и приемлемая точка зрения заключается в том, что прошлое и будущее одновременно и существуют, и не существуют, вернее, они существуют, но как-то не так, как настоящее.

Пояснить это можно, обратившись к феномену языка. Язык не придуман людьми, он скорее есть некая данность, при рождении чисто потенциальная. Такая же, как и другие данности, как актуальные, так и поначалу потенциальные, допустим, руки и ноги, чувства и ум. Человек научается говорить бессознательно, сам по себе, не используя логику и «здравый смысл». То есть он сначала научается говорить, причём совершенно корректно, и только потом, став уже взрослым, начинает задумываться о языке – осмысливать его принципы, строить грамматику, выдвигать множество лингвистических теорий. Однако в сравнении с языком все его рациональные объяснения кажутся ерундой, к тому же до крайности примитивной. Пример тому – попытка выучить иностранный язык, действуя не так, как ребёнок, а наоборот: усвоив рациональные объяснения языка – фонетику, синтаксис, вообще грамматику – и зазубрив небольшой словарный запас, следуя строгим правилам, пробуют говорить. Ничего хорошего из этого не получается – свобода владения языком наступает только тогда, когда полностью, причём бессознательно, погружаются в среду данного языка. Язык пробуждается в нас «сам собой». То есть язык – куда более глубокая вещь, чем мы думаем. Точно так же, как чувства и ум. Поэтому философы, особенно древние, для уяснения труднейших метафизических вопросов, часто обращаются к языку, предполагая, что в нём зашифровано великое знание, данное людям от века, но ими пока не постигнутое.

В нашем же случае, а именно в вопросе о существовании прошлого и будущего, исследуем слово «быть», то есть существовать. В отношении настоящего это слово модифицируется в «есть». В основном значении «есть» – это то, что наличествует, имеется, происходит прямо сейчас, в данный момент. *Есть* небо над головой, кот на заборе напротив, я сам, наконец. Другие значения «есть», к примеру обладание, приравнивание («У меня *есть* сто рублей» = «Я *обладаю* ста рублями», «Олег Николаевич *есть* дурак» = «Олег Николаевич – это дурак, то есть является дураком») и прочее, мы не берём, хотя эти значения, безусловно, находятся в тайной связи со значением основным. Итак, настоящее есть, существует, говорит нам язык. Про прошлое и будущее «есть» не говорят, значит, они не есть, не существуют так же, как настоящее. Зато говорят «было» и «будет». А это – другие формы того же самого слова «быть», «существовать». То есть настоящее, прошлое и будущее существуют, но существуют по-разному, поэтому к ним и применяется одно и то же слово «быть», но в разных формах.

Итак, язык не отказывает нам в существовании прошлого и будущего, но подчёркивает особость этого существования. Они и существуют, и не существуют, вернее, существуют, но как-то не так.

Тогда как?

Об отличии «было» от «есть» и о вечности преходящего

Какое бы объяснение «было» мы ни придумали, самого главного и самого очевидного различия с «есть» не избежать. Оно заключается в том, что прошлое можно лишь вспоминать, ясно себе представлять, но невозможно в нём *быть*. Даже признав существование прошлого в умозрительном мире, что сделать нетрудно, оно всё равно получается не таким, как некогда было: математический эйдос без всякой души, где нет больше жизни, нет нас. Такой же, как треугольник, окружность, число. Данное мёртвое прошлое, пусть столь же вечное, сколь вечен весь в целом умозрительный мир, не есть подлинное прошлое, но лишь его зеркальное отражение – лишь внешняя форма, вид, облик, но не оно само. Подлинное прошлое – это мир, в котором присутствовали и мы, и вся прочая жизнь. Существует ли, может ли каким-нибудь образом существовать такое подлинное прошлое, а не только его зарисовка? Кажется, нет, поскольку мы присутствуем именно здесь и только здесь, в настоящем, если же в прошлом кто-то и есть, то это не мы и не окружающие нас многочисленные существа, а кто-то другой и другие многочисленные существа, и, следовательно, тот мир больше не наш, а чей-то ещё.

Чтобы прошлое могло по-настоящему существовать, должна быть возможность вернуть в него жизнь, причём *эту самую* жизнь.

Либо, что то же самое, прошлое некогда должно возвратиться и стать настоящим.

Тогда мир получится одновременно и преходящим, и вечным. Преходящим потому, что мгновения сменяют мгновения, вечным же потому, что мгновения не исчезают, но, возвращаясь, существуют всегда. Вечность окажется не где-то вне нашего мира и жизни, но прямо здесь, всюду вокруг.

Возможно, именно вечность как раз и есть та трансцендентная красота, которая приоткрывается в ностальгии по прошлому и которая, в силу погружённости в происходящее, ускользает от нас в настоящем. За исключением случая, когда данный миг вдруг предстаёт в очевидной и вместе с тем непостижимой причастности к вечности...

Стоики: первоначала и элементы, возникновение космоса, воспламенение

Согласно учению стоиков существуют два вечных первоначала – ум, логос, бог как формирующее начало и первоматерия, или первовещество, как начало формируемое. Причём эти начала не существуют отдельно, сами по себе, но только в смешении: нет логоса без его носителя – первоматерии и нет бескачественной и бесформенной первоматерии без логоса. Рассматривая каждое начало отдельно, мы, по сути дела, разделяем неразделимое и потому имеем дело уже не с реальными началами, считающимися телесными, а с бестелесными умственными абстракциями.

«По мнению стоиков, есть два начала (ἀρχαί) мироздания – действующее и испытывающее воздействие (τὸ ποιοῦν καὶ τὸ πάσχον). То, которое испытывает воздействие, – это бескачественная субстанция (ἄποιος οὐσία), или вещество (ὑλη). А действующее – это присутствующий в ней логос, или бог; он вечен и творит всё, что в ней существует. Это учение Зенон Китийский излагает в книге „О сущности“, Клеанф – в книге „Об атомах“, а Хрисипп – в первой книге „Физики“...» (Диоген Лаэртский. *«О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»*. Книга VII, 134).

При возникновении мироздания сначала образуются четыре элемента – огонь, воздух, вода и земля, из которых впоследствии образуется всё остальное – растения и животные, весь мир и всё, что находится в нём.

«Начала отличаются от элементов: первые не рождаются и не погибают, вторые же погибают при воспламенении» (Там же).

Но при этом огонь считается «элементом по преимуществу», «первоэлементом» всего существующего, так как именно из него образуются и именно в него при гибели мира разрешаются прочие элементы, но сам он не разрешается ни во что. С этим первоогнём, являющимся изначальной творческой силой, в сущности, и отождествляется бог-логос. По Аристоклу, первоогонь – как бы семя, содержащее логосы и причины всех вещей, которые некогда возникали, существуют ныне и возникнут в будущем. То есть огонь как элемент и первоогонь как первоэлемент различаются, но в то же время и совпадают.

Мироздание в любой его фазе окружает беспредельная пустота: она существует сама по себе и только за небесным сводом. В отличие от пространства, пустота не допускает наличия каких бы то ни было тел. Внутри мироздания есть лишь пространство, но нет пустоты.

Воспламенение – это конец мироздания и одновременно его же начало. Всё разрешается в первоогонь и возрождается из него же.

«По мнению Зенона [Китийского], Клеанфа и Хрисиппа, сущее переходит в огонь, словно в семя, из которого вновь устанавливается тот же самый миропорядок, какой был прежде» (Стобей. *«Эклоги»*, I).

То есть в начальной и конечной (так сказать, в нулевой) точке мироздание сворачивается в семя-первоогонь, где бог-логос и первовещество в своём изначальном единстве пребывают в ещё нераскрытом, непроявленном состоянии.

Данная метафизическая доктрина существовала задолго до стоиков. Можно упомянуть, допустим, Гераклита Эфесского («Огонь – начало... и огонь – конец». «Весь космос воспламеняется, а затем снова упорядочивается».) Соответственно, и полемика в отношении этой доктрины началась прежде стоиков, причём с течением времени она не угасла, но в той или иной форме, явно или неявно, продолжается и по сей день. К примеру, в Адвайта-веданте возращения излагаются приблизительно так:

«Те, которые говорят, что после тотального разрушения, в момент сна Брахмана, эта Вселенная существует в виде семени, мало что понимают и рассуждают как дети. Это же глупость, о Рама... То, что тоньше пустоты, невыразимое никакими словами, почти как ничто, разве может иметь форму семени?.. Но если нет семени, каким образом может возникнуть Вселенная?.. Как могут сосуществовать оппозиции Брахман и Вселенная – разве может тьма существовать на солнце?.. Поэтому допускать, что существует причинная связь между Брахманом и миром – полное невежество. Истина в том, что существует только Брахман, и то, что кажется миром, является только Брахманом» («Йога-Васиштха». Глава IV).

Воспламенение происходит периодически, в установленные сроки. Время кругооборота Вселенной называется «величайшим годом».

Иногда стоики говорят, что при воспламенении Вселенная как бы сжимается и стягивается в мельчайшее, почти нулевое семя, из которого впоследствии разворачивается заново, а иногда, что она, наоборот, расширяется почти до безграничности и именно в этом состоянии выступает как семя-огонь.

При остывании семя-огонь сгущается сначала в воздух, затем в воду и наконец в землю, образуя упорядоченные миры, которые вместе представляют собой «всецелую сущность», но уже меньшую, чем изначальное безграничное семя-огонь.

Нетрудно заметить, что, пройдя сквозь века, стоическое представление о первоначалах, правда, весьма упрощённое в философском отношении, легло в основу современной позитивистской науки: вместо формирующего логоса – «законы природы», а вместо бескачественного субстрата, первовещества – «материя». Воспламенение стоиков – не только конец предыдущей, но и начало новой Вселенной, поэтому аналогия с современной теорией «большого взрыва» напрашивается сама собой.

Существует научная гипотеза, что с момента *большого взрыва*, то есть с момента максимального доминирования огня, смешанного с максимально сжатой и уплотнённой целокупной [перво]материей (момент так называемой «нулевой точки», или «космологической сингулярности»), Вселенная начала расширяться и охлаждаться. Прежде всего «на уровне элементарных частиц» произошёл процесс, напоминающий конденсацию жидкости из газа. Этот процесс по данной гипотезе в результате привел к образованию «обычной» материи. В точности как у стоиков: из огня – газ, воздух; из воздуха – жидкость, вода; а из воды – твёрдость, земля.

При этом некоторые физики, как и некоторые стоики, считают, что *большой взрыв* произошёл не в «свёрнутой в точку» Вселенной, а одновременно повсюду в безграничном или почти безграничном пространстве, заполнив его энергией, из которой через миллиарды лет образовались наблюдаемые тела – галактики, звёзды и прочее.

Примечательно, что почти все учёные сходятся в том, что самое важное – первые наносекунды после *взрыва*, поскольку именно в эти наносекунды *всё* как раз и образовалось из *ничего*... вернее, из *неизвестно чего*...

Что касается будущего Вселенной, то также существуют различные гипотезы – от уносящегося в невыразимую даль вещества при бесконечном расширении Вселенной и ускользании этого вещества от всякого возможного наблюдения, то есть от его рассеяния и «исчезновения», после чего вообще неизвестно, что дальше произойдёт, до нового *большого взрыва*, ожидаемого после прекращения периода космического расширения, последующего перехода к периоду сжатия и возврата Вселенной к состоянию сингулярности.

Заметим лишь, что считать семя-огонь в момент рождения-гибели мира бесконечно большим ничуть не лучше, но и ничуть не хуже, чем считать его бесконечно малым, ведь в этот момент не существует ни тел, ни каких-либо проявленных форм и говорить о *размерах* вообще не приходится, так как последние имеют смысл лишь в сравнении. Единственное, что существует в этот момент, – это семя-огонь, а пространство и время, как и всё остальное, содер-

жатся в нём в состоянии непроявленном, потенциальном... То есть не семя-огонь пребывает в пространстве и времени, а наоборот...

Стоики: возрождение того же миропорядка

Начала – бог-логос и первовещество – вечны и неизменны, отсюда моменты воспламенения, случающиеся в величайшие годы, неразличимы и, по сути, являются одним и тем же семенем-огнём, к которому ничего не может быть добавлено и от которого ничего не может быть отнято. В момент воспламенения и зарождения нового космоса есть только семя-огонь, только свет и нет никакой «среды произрастания», как у обычного семени, нет вообще ничего иного, способного каким-нибудь образом повлиять на него. Поэтому, при возрождении космоса из того же самого семени-огня, всякие случайности, произвол, отклонения исключены: пространство и время и вместе с ними новое мироздание воссоздаются всегда одинаково.

Кстати, к этой же мысли рано или поздно должны будут прийти и последователи теории *большого взрыва*, точнее сторонники той гипотезы, согласно которой *большой взрыв* не только начало новой, но и конец предыдущей Вселенной. Поставив законы природы превыше всего, ничего другого и не остается, как только признать, что при новом *большом взрыве* будет воссоздана точно такая Вселенная, как нынешняя. То, что в момент взрыва известные нам законы больше не действуют, – не аргумент, так как приходится допустить, что в этот момент в силу вступают иные законы, нам неизвестные, ведь при отсутствии всяких законов физика как наука вообще невозможна. Но при одних и тех же начальных условиях и нерушимых законах «развития» единственность следствия предопределена.

«Зенон [Китийский] утверждает, что после воспламенения те же самые люди возникнут для того же самого, то есть Анит и Мелет станут обвинять, Бусирис – убивать гостей, а Геракл – вновь совершать подвиги» (*Татиан. «Против эллинов». Глава 3*).

Сомнение в том, что такое случится, понятно. Но вместе с тем в изложениях и обсуждениях этой мысли различными философами, да и просто в попытках осмыслить её «обычными» людьми, нами самими, можно заметить параллельно присутствующее смутное странное чувство – недоумение, замешательство, изумление. Взятое само по себе, как лишь фантазия, абстрактная мысль, данное утверждение кажется, с одной стороны, очень понятным, простым, а с другой стороны – совершенно непонятным и невообразимым: как это так – некогда восстанет весь прошлый космос, явятся *те самые* люди и *тот же* Геракл вновь будет совершать *те же* подвиги? Вселенная безгранична, по крайней мере весьма велика, и допустить появление где-то, когда-то сходного миропорядка, сходных людей не проблема, но вот возвращение именно *тех же* людей, *того же* миропорядка представить себе нелегко.

Это странное чувство часто не замечают или пытаются устранить, заменяя *тех же* людей на *похожих*: на *тех же* в душе, но отличающихся по облику либо, наоборот, внешне таких же, но иных внутри. Так иногда поступают и сами стоики, вернее, некоторые из них.

«Они [стоики] говорят, что индивиды, которые возникают впоследствии, отличаются от предшествующих лишь внешними привходящими свойствами. Внешние свойства по ходу жизни меняются и у одного и того же Диона, но из-за этого он вовсе не превращается в не-Диона. В самом деле, Дион не перестаёт быть собой потому, что прежде у него были бельма на глазах, а потом их не стало. По словам стоиков, такими же внешними свойствами могут отличаться индивиды одного мира от индивидов другого» (*Александр Афродисийский. «Комментарий к „Первой Аналитике“ Аристотеля» // Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. II, p. 181*).

Кроме «проблемы Кориска», которую мы обсудим в следующей главе, и ещё более сложной проблемы перехода «души Диона» из одного цикла в другой наподобие того, как она постепенно переходит из юного тела Диона в его более зрелое тело, в данном фрагменте различается очень важный вопрос: либо в доктрине стоиков речь идёт об известной идее цикличности, то есть о повторении аналогичного, но иного миропорядка, либо о совершенно непонятной идее возвращения тождественного самому себе миропорядка.

«Утверждая, что при возрождении каждый человек возникнет в том же самом виде, стоики на самом деле исследуют, останусь ли я один по числу теперь и тогда (в силу тождества сущности) или буду „повторён“ (в силу распорядка, ведущего ко всё новым и новым миропорождениям)» (Симплиций. «Комментарий к „Физике“ Аристотеля». Книга 5, глава 4).

«Один по числу» означает, что имеется в виду именно *возвращение* того же самого: ничего нового не создаётся, а просто возвращается уже бывшее – возвращается тот же самый индивид, а не создаётся точно такой же, но другой, в результате чего число «тождественных» индивидов с каждым новым циклом увеличивалось бы на единицу. Иными словами, если каждая вещь и каждый индивид при разрушении и возрождении мирозданий не увеличивается по числу, но остаётся в числе единичном, то речь идёт об их *возвращении*, а не о создании новых, пусть точно таких же.

В то время как «повторён» означает именно *повторение* всякого сущего и увеличение числа таких сущих на единицу с каждым новым циклом. Заметим, что в этом случае ничто не мешает всякому заново созданному сущему быть как *похожим* на предыдущее, так и во всём *идентичным* ему.

Хотя *возвращение* намного темнее и непонятнее *повторения*, сосредоточиться в первую очередь следует всё же на нём, поскольку именно тождественность, а не схожесть миров со всей логической строгостью вытекает из космологии стоиков. Круговороты и повторения схожих миров, вне всяких сомнений, тоже концепция глубочайшая, однако её мы коснёмся потом.

Почему так непросто понять возвращение именно тех же людей? Например, потому, что никак невозможно помыслить себя пребывающим не только в настоящем, но *одновременно* и в каком-то далёком прошлом и будущем, а именно этого требует положение тождественности. Наша душа неделима и всегда только здесь и теперь: то, что есть сейчас, – это *одно*, потом будет всё же *другое*, пусть даже такое же точно.

Тождество и равенство: $A = A$ и $A = B$

Тождество – это *одно, единица*: просто есть нечто одно и оно совпадает с самим собой или является самим собой. Равенство – *двоица, два*: есть нечто одно и нечто другое, точно такое. Говорят, идеального равенства не существует, поскольку одно всегда чем-то да отличается от другого, хотя бы положением в пространстве и времени. Поэтому речь может идти лишь об одном сущем, тождественном себе, либо о двух разных сущих, очень похожих.

По словам Аристотеля, софисты, к примеру, считали Ко-риска, когда-то находившегося в Ликее, и Кориска, ныне разгуливающего по рыночной площади, различными людьми, так как они занимают различные положения в пространстве и времени. Это довольно-таки очевидно. С другой стороны, любой вам ответит, что оба Кориска – один и тот же Кориск. То есть Кориск одновременно и тождественен себе, и не тождественен себе самому. Это «проблема Кориска».

Можно было бы сказать, что тождественность и нетождественность Кориска понимаются в разных смыслах: «внешние» Кориски – их облики, поведение, мысли и чувства – в различные моменты времени всегда только сходны, возможно, почти равны, но никогда не тождественны, тогда как душа Кориска всегда тождественна себе, поскольку с течением времени не изменяется и всегда остаётся собой.

Однако не только Кориск, но и, допустим, брошенный камень, взятый до и после броска, – тот же самый, но вместе с тем и не тот же. То есть душа здесь, выходит, вообще ни при чём, а тождественность Корисков заключается в чём-то ином.

Другими словами, все вещи вокруг, включая и нас, постоянно переключаются из прошлого в настоящее, затем в будущее, оставаясь при этом собой, что нам всем представляется очевидным: вчера, сегодня и завтра, перемещаясь с места на место, Кориск остаётся тем самым Кориском, камень – тем самым камнем, найденная лет через сорок знакомая вещь – той самой вещью.

Каким образом мы узнаём вещи, животных, людей, которые, может быть, изменились настолько, что вообще на себя не похожи, что именно в них мы считаем собственно *ими самими*, их уникальной сущностью, неподвластной течению времени и изменениям внешним, – открытый вопрос.

Любопытно, что изменившиеся с течением времени вещи мы считаем *теми же самими*, а вот созданные заново точно такие же вещи считаем *другими*. Старый разбитый будильник – это тот же будильник, а собранный заново из точно таких же частей – это будильник другой.

Как мы вообще отличаем одну вещь от другой, если они совершенно похожи? По микрострихам, по эманациям, по их судьбе, включая время и место рождения, по необъяснимой, однако интуитивно доступной нам «сущности»?

Воссозданный в другом мироздании идентичный Дион – это тот же Дион, с тем самым «я», или же кто-то другой?..

Оставим эти вопросы пока без ответов, однако напомним, что равенство – это всё-таки *копия, дубль*, и только тождество – *«тот же», «он сам»*...

Равенство, тождество, течение времени, на первый взгляд очень понятные, оказываются совершенно непонятными при углублении в них. Как, впрочем, и всё остальное...

Пифагорейцы о возвращении тождественных миров

О возвращении того же миропорядка задолго до стоиков говорил не только Гераклит, но ещё раньше него Пифагор, причём имея в виду именно тождество, а не равенство повторяющихся миров. В двенадцатой главе четвёртой книги своего знаменитого «Комментария к „Физике“ Аристотеля» Симплиций приводит фрагмент из ныне утраченного трактата ученика Аристотеля Евдема Родосского. Симплиций пишет:

«Пифагорейцы говорили, что при повторении вещи становятся теми же самыми, не изменяясь даже и по числу. Здесь уместно привести фрагмент из третьей книги „Физики“ Евдема, где он следующим образом пересказывает их рассуждения по этому поводу:

„Можно поставить вопрос, повторяется или не повторяется то же самое время? Одни считают, что повторяется, другие придерживаются противоположного мнения. ‘То же самое’ понимается в разных смыслах. ‘То же самое’ по внешнему виду – нечто подобное сменам вёсен и зим, других сезонов и периодов: схожесть относится именно к внешнему виду, поскольку обусловлена солнцеворотами и равноденствиями, следованием солнца по своим орбитам. Но если принять точку зрения пифагорейцев, что возвращаются именно те же самые вещи, не изменяясь и по числу, то некогда я буду точно так же рассуждать, держа свой посох, а вы будете сидеть и слушать, и всё остальное будет точно таким же, поэтому очень даже правдоподобно, что и время в таком случае будет тем же. Из череды одних и тех же изменений и полного сходства множества всех вещей будет следовать, что то, что было раньше, и то, что наступит потом, будет одним и тем же; останется тем же и число всех вещей. Всё будет одним и тем же и, соответственно, время тоже будет одним и тем же“».

Тождество, возвращение именно тех же вещей, причём не изменившихся и по числу, по всей логике, возможно только в одном случае – *если возвращается и время их существования* – если и само мгновение их бытия становится тем же. Об этом в цитате Евдема сказано достаточно ясно. Но отсюда со всей очевидностью следует, что время течёт не по прямой, а по замкнутой кривой линии, так что каждое мгновение рано или поздно возвращается к себе самому. Этот важный момент в приведённой цитате обстоятельно не рассматривается, мы же несколько позже непременно вернёмся к нему.

Упущение немезия

В сочинении «О природе человека» Немезий пишет:

«Стоики говорят, что по восстановлении планет в тот же знак по долготе и широте, в котором каждая из них была вначале, как только произошёл мир, они в определённые периоды (обороты) времени произведут сожжение и разрушение всего существующего и опять восстановят мир в то же самое состояние; и поскольку звёзды (светила) снова будут двигаться подобным образом, то неизменно произойдёт (совершится) всё, что было в предшествующий период. Так, снова явятся Сократ и Платон и каждый человек – с теми же друзьями и гражданами, будут те же впечатления, те же встречи, те же занятия, и всякий город, и деревня, и поле подобным образом будут восстановлены. А происходит такое восстановление Вселенной не один раз, но часто, – даже более: беспредельно и бесконечно восстанавливается одно и то же. Боги же, не будучи подвержены этому разрушению, следя за одним периодом, знают по нему всё, имеющее произойти в последующие обороты времени: ведь ничего нового не бывает – по сравнению с прежде бывшим, – но всё (происходит) совершенно одинаково и неизменно, даже до мелочей» (Глава XXXVIII).

Обратим внимание на следующее: Немезий говорит о *периодических* круговоротах и многократном, даже бесчисленном восстановлении той же Вселенной. То есть имеет в виду равенство, а не тождество новых Вселенных. При тождестве, поскольку Вселенная в этом случае только одна, никак невозможно было бы отличить наличную Вселенную от некогда бывшей, тем более как-то подсчитывать их, присваивать новым периодам всё новые номера (ранее был период сто пятьдесят первый, теперь – сто пятьдесят второй, а следующим будет сто пятьдесят третий), поскольку такие номера отличали бы одну Вселенную от другой и последние уже не были бы тождественны вплоть до любых мелочей.

Если следовать «странному чувству» и ориентироваться всё же на тождество, то иметь в виду лучше не восстановление данной Вселенной в далёком будущем, а скорее *обращение времени вспять* – в этом случае мы как раз и возвратились бы именно к этой же самой Вселенной.

Но как это так – «обращение времени вспять»?..

Чтобы избежать подобного хода мысли и такого вопроса, Немезий, пытаясь как-то по-своему «уравнять» равенство с тождеством, говорит о неподверженных разрушению богах, которые пребывают вне этой Вселенной и наблюдают за всем, что в ней происходит, а после воспламенения, на основании наблюдений, во-первых, в состоянии отличить один период от другого и, во-вторых, знают всё наперед.

Но кто эти боги? Если они суть боги небесных сфер, то вместе с последними, по учению стоиков, тоже должны погибать и воссоздаваться при гибели космоса. Если же они – бог-огонь – бог-логос плюс первоматерия (в данном случае лучше писать Бог-огонь), то этот Бог вечен и неизменен и при воспламенении становится просто собой, в точности тем же самым, тождественным себе. Этот Бог пребывает вне времени нашей Вселенной (тем более когда этой Вселенной нет вовсе), вне времени вообще, но в вечности. В вечности нет никаких перемен, никакой новизны. По отношению к Богу-огню нет ничего иного, в частности никакого внеположного Ему времени, в котором каким-то образом «длится» Его бытие. Времени нет вообще. Бог-огонь, один и тот же всегда, просто есть. Поэтому в момент воспламенения Вселенная является из Него не заново, а только единожды: сам момент воспламенения, гибели мира и его возрождения – это момент, пребывающий в вечности. Ни о каком подсчёте количества этих моментов не может быть речи.

То же, заметим, касается не только момента воспламенения, но и любого момента вообще, который, по сути, есть лишь одно из бесчисленных состояний или аспектов вечного Бога-огня.

Не *повторное воссоздание* того же самого мира, что ставило бы течение времени как таковое вне и выше Бога-огня и делало бы Его подвластным течению времени, а именно *возвращение* к тому же самому аспекту Бога-огня, воспринимающемуся нами как наличный мир – *возвращение* к миру, не менее вечному, чем сам Бог-огонь, – вот то, что упускает или во что не хочет углубляться Немезий, а также иные философы, о которых мы будем ещё говорить. Такому Богу-огню вовсе не нужно откуда-то извне наблюдать за происходящем во Вселенной, чтобы потом заново всё воссоздать один к одному, поскольку, как будущее дерево в семени, всёечно есть в Нём и всё есть Он.

Про размышления о запредельном

Конечно, трудно, практически невозможно нам, людям, размышлять о запредельном, тем более излагать результаты своих размышлений, делать какие-то точные выводы. О претензиях на познание истины не приходится и говорить. При обращении к запредельному логика рушится, слова теряют значения, опоры для доказательства нет никакой. Последовательное продвижение исключено.

Часто считают, что в этом вопросе разум не нужен вообще: постижение запредельного – откровение, дар, но не результат скрупулёзного исследования. Какой-то смысл в этом есть, но исключительно редко случается, чтобы кто-нибудь получал этот дар безо всяких усилий со своей стороны. Стремление, воля, необходимость постижения окончательной истины должны в нём присутствовать всё равно, а это – причина и стимул мышления.

Разумеется, даже сложнейшие умопостроения ни к чему хорошему не ведут, если происходят из разума, погружённого лишь в этот мир и не захваченного, а то и вообще не затронутого ветром иных горизонтов. Но запредельное раскрывается когда хочет и кому хочет, и вряд ли возможно как-то добиться его либо избавиться от него. Как и талант: он либо есть и от него не уйти даже тем, кто проклинает его, ведь оный нередко, даже обычно, ввергает в бездну страданий, либо таланта нет вовсе, и тогда его не призвать. Это не значит, конечно, что со своей стороны мы не можем сделать вообще ничего и усилия, размышления, диалектика, здравый смысл потому не нужны: если наша душа всё же причастна к *иному*, должна быть возможность эту причастность как-то раскрыть. Разум как раз для того-то и нужен, однако оправдывает себя лишь когда следует интуиции этой причастности. Ведь даже разрушить уверенность в собственном знании, рассеять невежество – значительный шаг.

Если обычный рассудок служит сугубо стихии земли, конструирует форму, незыблемость, определённую, то разум свободный, подвижный в стихии воды, воздуха и огня, размыкает иные пределы, причём за границами всяких стихий, даже себя самого.

Сложная философия, интересная мысль, поэтическая строфа или необъяснимый догмат важны не сами по себе, но исключительно тем, что с их помощью может открыться иная реальность, просто *реальность*.

О происхождении времени и, соответственно, мира

Время, течение времени возможно лишь при наличии изменяющегося мира, а также того, кто способен его воспринимать. Без воспринимающего и воспринимаемого, мыслителя и мыслимого, субъекта и объекта времени нет. Рассуждающие об объективном мире как о независимом от сознания и способном существовать и без него, говорят ни о чём, так как при отсутствии воспринимающего нет и внешнего мира, ведь ни сам этот мир, ни кто-то другой не знают о нём ничего. Это всё равно что наделять самостоятельным бытием сон, отделённый от сновидца. Но даже если и допустить существование материального мира, в котором нет ни единого проблеска сознания, в нём невозможно течение времени, так как просто некому его фиксировать, сознать, ощущать. Без сравнения положения тел в настоящем мгновении с положением тел во мгновении предыдущем – то есть без участия памяти, разума – времени нет. Также нет времени и для чистого субъекта внеположного миру, так как без мира нет ни тел, ни движения, ни перемен и нечего сравнивать, измерять, воспринимать. То есть время возникает именно там, где возникает мыслитель и мыслимое, – оно появляется вместе с ними, сопутствует им. Изначальна ли двоица мыслитель и мыслимое или же что-то существует и прежде неё? Иными словами, существует ли время всегда или каким-нибудь образом появилось, имеет начало?

Вернёмся снова к неоплатоникам: Единое, вселенские Ум и Душа – вечное и неизменное. Ум, вторая ипостась Троицы, не создаётся и не рождается Единым, но исходит от него, как свет исходит от солнца. Солнце самодостаточно и вполне может существовать само по себе, в нём не формируется никакой причины, нет никакого замысла порождения света, заботы о нём: свет просто *исходит* и всё, сам собой. В отличие от самодостаточного солнца, исходящий от него свет, как и Ум, – нечто зависимое: он невозможен без солнца.

В Уме нет никакой множественности, в том числе нет разделения на субъект и объект, но вместе с тем вся возможная множественность в целостности и изначальном единстве присутствует в нём сразу вся. Ум вечно обращён к Единому, но притом сознаёт и себя, что осуществляется благодаря исходящей от него третьей ипостаси Троицы – мировой Душе, в которой и возникает мыслитель и мыслимое. Мировая Душа есть сама жизнь, вселенская и единая жизнь – *das Leben*, как иногда называл её Ницше. При этом мировая Душа – не нечто иное по отношению к Уму: она – это логос, мысль, слово Ума.

Объектом созерцания мировой Души является прежде всего сам Ум, который благодаря этому созерцанию постигает себя. Пока это так, времени нет, только вечность. Но вместе с тем, отворачиваясь от Ума и, соответственно, от Единого, мировая Душа обращается также к объектам вторичным: различая в Уме всё множество прообразов сущих, возможных и невозможных, она созерцает и их, входит в них, наделяет их жизнью. И тогда появляется время и мир, и всё, что находится в нём. Другими словами, созерцая Ум, обращаясь к нему, а через него и к Единому, мировая Душа обращается в вечность, в том числе и к себе, а обращаясь ко множественности, погружаясь в конкретные логосы, создаёт время и мир.

Аналогично устроена и наша душа, будучи в последней инстанции той же Душой мировой: точно так же она обращена к Уму и Единому, к вечному и бесконечному, но одновременно и к этому космосу, миру, порождая, поддерживая, множа бесчисленные формы и виды сущего. Отождествляясь с этими сущими, привязываясь к ним, питая их своим вниманием, энергией, силой, наша душа как бы вливает в них жизнь. Растворение во множестве сущих есть отпадение от изначального, от собственной сущности, но без этого не было бы мироздания, феноменального бытия...

Такова в самых общих чертах метафизическая концепция неоплатоников, откуда следует, что наш преходящий мир вовсе не полная тьма и ущербность, но причастен и к вечно-

сти, поскольку является отражением Ума. Вернее, множественности Ума, в коем, в отличие от нашего мира, эта множественность пребывает, однако, в неподвижности и единстве.

«Время – подвижный образ вечности», – говорил Платон. Подтверждается это и тем, что Вселенная грандиозна, величественна и прекрасна.

По неоплатоникам, наши прошлое, будущее и настоящее не подвержены никаким изменениям, не зависят от течения времени и, пребывая в «вечном настоящем» Ума, существуют всегда.

«...Для него [для Ума] существует одно только настоящее, но нет ни будущего, так как и до наступления будущего всё в нём уже есть, ни прошедшего, так как его ноумены не проходят, как моменты времени, но существуют в вечном недвижимом настоящем, – неизменные, тождественные самим себе, довлеющие тем, что они суть, притом так, что каждый из них есть и мыслимое, и сущее, а все вместе – один универсальный Ум и одно универсальное бытие» (Плотин. «О трёх первых началах, или субстанциях», 4).

Конечно, к неоплатоникам много вопросов. Ответы даются, и весьма обстоятельные, что, правда, приводит ко всё новым вопросам...

В авраамических традициях, в монотеизме, нет изначальной причастности к вечности мира и времени – они не проистекают прямо из вечности и не являются её подвижным образом, пусть оскудевшим и искажённым, но всё же содержащим божественное, всю бесконечность, в себе ³. Время и мир созданы Богом-Творцом, пребывающим в вечности, они – это не Он, но нечто *иное* по отношению к Творцу. Также и Творец по отношению к ним – нечто *иное*: недостижимое, непознаваемое, трансцендентное. Время и мир существуют лишь «временно» – от вечности до вечности, и по истечении срока наступит царство вечной гармонии Творения и Творца. При этом все креатуры, по благодати Творца получившие вечную жизнь и вошедшие в новую вечность, останутся самими собой, вернее, как иногда полагают, они станут *идеальными* самими собой, тождественными своему сущностному прообразу. Слиться с Богом, вернуться к Нему, снова стать Им – абсурдная для монотеизма мысль: в новой вечности будет возможно лишь созерцать, воспевать, любить Бога, пребывать рядом с Ним, наслаждаться блаженством небесного света. Бог – радикально *иное* Творению. Каждая креатура остаётся собой навсегда: святой не может стать ангелом, херувим – серафимом и никакой ангел – Богом. Так же небесные реки, озёра, леса, небесные птицы и звери всегда будут самими собой, так же небесные грады будут незыблемы в вечности.

³ В этой главе, обращаясь к традициям, мифам и философским учениям глубочайшим, мы следуем, так сказать, первому, прямому уровню понимания, не погружаясь во всю бездну смыслов их представлений и главных доктрин. Всё, разумеется, много сложнее... Возьмём, например, доктрину «время – подвижный образ вечности». Хотя на этом первом уровне данная доктрина и противоречит монотеизму, всё же, из-за своей невероятной глубины, многими богословами, в том числе христианами, включается в истинное вероучение, несмотря на множество сложностей и теологических проблем. Майстер Экхарт, Григорий Палама, Якоб Бёме, Павел Флоренский... Среди христиан эта доктрина чаще формулируется иными словами: «дольнее – символ горнего». К примеру, архиепископ Василий (Кривошеин) в статье «Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы» («*Seminarium Kondakovianum*», VIII) разъясняет доктрину приблизительно так: «Можно скорее думать, что сравнение несозданного Свѣта съ тварнымъ носить хотя и символическій, но вполне реальный характеръ и основывается на свойственной многимъ представителямъ восточной патристики мысли (и въ этомъ они сходятся съ платонизирующими философскими теченіями), что этотъ дольний созданный міръ является какъ бы отображеніемъ и подобіемъ своего Божественнаго горняго первообраза, извѣчно существующаго въ Божественномъ сознаніи, и что, слѣдовательно, нашъ земной тварный свѣтъ можетъ такъ же разсматриваться какъ нѣкое отображеніе и тусклое подобіе Свѣта несозданнаго, безконечно от него отличнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ реально, хотя и непостижимо, съ нимъ сходнаго. Самъ же несозданный Свѣтъ, этотъ первообразъ свѣта тварнаго, есть одинъ изъ образовъ явленія и раскрытія Бога въ міръ, иначе говоря, есть нетварное въ тварномъ, реально, а не только аллегорически въ немъ обнаруживаемое и созерцаемое святыми какъ неизреченная Божія слава и красота. Мы думаемъ, что такой символическій реализмъ лежитъ въ основѣ всего ученія св. Гр. Паламы о Божественномъ Свѣтѣ и что только такимъ образомъ можно правильно понять многіе своеобразные (и на первый взглядъ даже нѣсколько странные) моменты этого ученія». Это – воспринятый, хорошо понятый, принятый неоплатонизм.

Сохранится ли в грядущей вечности её «прошлое», а именно наш преходящий мир, запечатлевшись в каком-нибудь божественном уме или памяти, либо же мир наш бесследно исчезнет совсем – это вопрос.

Как вообще в Боге, в недвижной и всеобъемлющей вечности, могла зародиться интенция создания мира и времени, в какой именно «момент» (почему не «раньше» и не «позже») и каким образом это произошло – тоже вопросы, на которые теологи дают много пространных ответов, различных по убедительности, но сходных по темноте.

«Несомненно, что мир создавался не во времени, а вместе со временем. События во времени происходят по прошествии какого-то времени и в предварении последующего времени – после прошлого и перед будущим. Но при Сотворении не было прошлого, так как ещё не было создано ничего, в чём возможно движение и изменение, а они суть необходимое условие времени» (*Блаженный Августин. «О граде Божием: против язычников». Книга XI, глава 8*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.